

IX. Образ Петра в латышском фольклоре

*Я предчувствую, что россияне когда-нибудь,
а может быть, при жизни нашей,
пристыдят самые просвещённые народы
успехами своими в науках, неутомимостью в трудах
и величием твёрдой и громкой славы.*

Пётр I Великий

Рижане хорошо помнят, какие страсти кипели вокруг попытки восстановить в Риге памятник Петру Великому. Кое-кто из латвийских «вождей народных» не скрывал своего возмущения по поводу возникновения столь «дикой» мысли: восславить русского царя. Да ещё Петра! Но признаем, в какой-то мере это негодование можно понять, если прочесть о нём в современных учебниках по истории Латвии. Кажется, нет для латышского народа врага страшнее, чем Пётр I и его солдаты. Достаточно почитать, как «на завоёванной территории русские войска занимались грабежом, поджогами, убивали или уводили в плен местных жителей» (И.Кениньш «История Латвии», стр.106) и другие тому подобные страшилки, как всё становится предельно ясно. Ещё в 30-е годы, в пору существования Первой республики, латышская национальная историография старательно насаждала тезис о «счастливых шведских временах». Как оказывается хорошо, как славно жили латыши под властью шведской короны, пока не пришли злые русские и не отвоевали в свою пользу эти земли! Данная несвежая теория сегодня обрела второе дыхание. Зловредность жестокого русского царя и его «безжалостных головорезов» стала прочным основанием для оголтелой антирусской пропаганды и умелого возвращивания очередных «исторических болей».

Конечно, война штука жестокая. Не бывает среди её участников однозначно белых и пушистых. Случается в бою всякое... Но моральное превосходство над противником всегда основывается на гуманном и великодушном отношении к пленным. Красноречивый исторический факт: в 1705 году Пётр I представил британскому, прусскому и голландскому послам в Москве двух солдат,

бежавших из шведского плена. У обоих на руках и на ногах были обрублены пальцы. По их показаниям, это было сделано на глазах шведского короля. В предшествующем году шведы сожгли здание, в котором находилось до двухсот русских военнопленных. По приказу самого Карла XII, захваченные в плен русские казаки избивались до смерти палками. В 1706 году с исключительной жестокостью были умерщвлены все русские, взятые в плен при Фрауштадте: их клали один на другого по два, по три и кололи штыками, пиками и ножами. «Лютость таковая происходила по точному повелению самого короля шведского», — замечает свидетель этих деяний.

Описывая битву при Клецке, шведский капеллан Нордберг с обычным у него в таких случаях удовольствием указывал, что шведы прикончили всех раненых русских, попавших в их руки уже после сражения. Особое восхищение в этом благочестивом святителе церкви лютеранской вызывает то, как ловко удалось разгадать одну русскую хитрость: «Шведы убили всех, кого они могли догнать... они преследовали (русских — И.Г.) с полмили, до леса. Они бы даже пошли дальше, но г. Крейц, получивший только что известие, что казаки сделали в этот день три вылазки из Ляховичей, отозвал своих людей. Возвращаясь, кавалеристы заметили, что между теми (русскими — И.Г.), которые лежали на земле, некоторые лишь притворялись мёртвыми. Это обнаружили, — и не ускользнул от смерти ни один человек из них».

Вопреки восторженным легендам, Карл XII, этот «шведский паладин», был на самом деле совершенно чужд сколько-нибудь великодушных, рыцарских чувств к врагу, в особенности, если враг был русский. Это выражалось в усугубленной же-

стокости по отношению к пленным. Всё тот же Нордберг передает такие поступки Карла: однажды поймали четырёх человек русских, которых обвинили в том, будто они хотели произвести какой-то поджог; двух из них сожгли живьём, а двум другим отрезали носы и уши и отправили их к русскому главнокомандующему графу Шереметеву.

На приходившие отовсюду вести о жестокостях шведской армии Пётр отвечал напоминаниями, как вообще шведский король и его армия относятся к русскому народу, обращаясь с русскими пленными с неистовой свирепостью, которую не проявляли к пленным других национальностей. *«Мы... некогда подданным его мучения никакова чинить не повелевали, но наипаче пленные их у нас во всякой ослабе и без утеснения пребывают и по христианскому обычаю содержатся».* А в полную противоположность этому *«король шведский, наших пленников великороссийского и малороссийского народа... у себе мучительно держит и гладом таить, и помирати допускает»*, и не соглашается ни на какой размен, *«хотя оно от нас, по христианскому обычаю, сожалеть о верных своих подданных, многократно предложено есть».*

В то же время, современники отмечали, что после полтавской победы Пётр милостиво принял пленных неприятельских генералов, возвратил им шпаги, пригласил к своему столу. *«А между тем по его повелению угощаемы были столом и все пленные офицеры, накормлены со изобилием и все пленные же солдаты».* На содержание пленных Пётр определил *«довольные деньги».*

Позднее, уже в середине галантного века, во время Семилетней войны, в битве под Цорндорфом, Фридрих II *«приказал не щадить ни одного русского».* Исполняя приказ короля, пруссаки сбрасывали в ямы раненых русских солдат и закапывали их вместе с убитыми. Между тем, фельдмаршал Салтыков отмечает в своих репортажах, что русские солдаты проявляли в высшей степени че-

Пётр I — победитель. Гравюра Вагнера 1730-х гг. с оригинала Амикони.

ловечное отношение к побеждённым. Очевидец рассказывает: *«Многие наши легко раненные неприятельских тяжело раненных на себе из опасности выносили; солдаты наши своим хлебом и водою, в коей сами великую нужду имели, их снабжали».* Военский устав Петра I *«под смертным страхом»* воспрещал *«не токмо в своей союзничьей или нейтральной землях, но и в неприятельской»* причинять какие-либо *«обиды мирным жителям».* Инструкция 1706 года генерал-майору Брюсу и бригадире Шонбургу также внушала никаких *«бесчинств отнюдь не чинить, но поступать как вышним, так и рядовым так, как добрым и честным солдатам надлежит...»*

Так ещё с отроческих лет русской военной мощи внедрялось в сознание войск правило, позднее сформулированное в известном

афоризме Суворова: «Солдат — не разбойник». Правило это, определявшее гуманный образ действий по отношению к пленным и к обывателям на чужой стороне, стало одной из лучших национальных традиций русской армии. Всякое отступление от него являлось своего рода аномалией, истекавшей из чуждых русской военной этике принципов. Знаменательно, что, упоминая о фактах насилия и разбоя, допущенных некоторыми офицерами во время взятия Варшавы в 1794 году, один мемуарист немецкого происхождения пристыжено замечает: «К моему удивлению, эти офицеры большей частью не русские, а немцы». Особенной жестокостью запятнал себя ещё в эпоху первой польской войны подполковник Древиц, немец на русской службе. Известно, что он с полным хладнокровием отрезал кисти рук у пленных поляков. Письма Суворова к главнокомандующему русскими войсками в Польше И.И.Веймарну кипят негодованием против Древица, который «позорит честь русского оружия», действуя «в стыд наш... в стыд России, лишившейся давно таких варварских времён». Это писал Суворов, которого враги называли «северным варваром».

Но вернёмся к Петру Великому. Как говорили древние римляне, *audiatur et altera pars* (пусть будет выслушана и другая сторона).

В нашем случае инакомыслящие, это те многочисленные носители латышского народного творчества (легенд, преданий и побывальщин), которые в своих, записанных собирателями фольклора повествованиях о Великой Северной войне, высказали суждения, в корне отличающиеся от заявлений современных латышских историков. Эти записи производились с XIX века по наши дни. Многие из них в 1988 году были опубликованы в составленном известной латышской фольклористкой Алмой Анцелане сборнике «Латышские народные исторические предания». Имя Петра Великого (именно, Великого!) звучит во многих легендах. В некоторых вариантах он упоминается безымянно как царь или «ķeizars». Все эти предания и побывальщины различны по содержа-

нию. В одних описан какой-нибудь случай, связанный с Петром, в других подробно излагается целая история, например, осада и взятие Риги. Вот, например, распространённый сюжет латышских народных преданий «Пётр спасает Ригу от взрыва». Эти предания вошли в золотой фонд латышского фольклора, отобразились в литературной классике и даже перешли в репертуары русских сказочников. Вот одна из легенд на эту тему, записанная в Вентспилсе в 30-е годы XX века: «Это было тогда, когда шведы с русскими воевали. Пётр приделся вроде как нищим и пробрался незнанным разведать Ригу. Захотелось ему есть. Пошёл по городу еды поискать. Проходит мимо склада с порохом и видит через окно: свеча горит. Её зажгли шведы, чтобы перед своим уходом взорвать город. Пётр сразу сообразил: если свеча догорит — Рига взлетит на воздух!

Пётр ещё зашёл в один дом на кухню. Затем поспешил обратно в стан русского войска. А кухарка на кухне подметила, что у чужанина под нищенскими лохмотьями вроде как звёзды поблескивают. Она поняла, что это русский царь, и донесла шведскому военачальнику. А Пётр вышел из кухни, увидел на телеге ящик с навозом, который повезут на поле, залез в ящик — так его и вывезли через городские ворота! Шведы ищут Петра повсюду в городе, а он спешит в русский лагерь, поднимает войско и ведёт на Ригу.

Прежде всего поскакал к тому месту, где свеча горит. Пламя уже почти у пороха. Пётр вовремя поспел, погасил огонь и спас Ригу от взрыва. Когда Пётр во главе войска скакал свечу тушить, скакал он так быстро, что у коня подкова отскочила и влетела через окно третьего этажа». Эта подкова, кстати сказать, как рассказывал в 1963 году собирателю фольклора А.Силиню шестидесятилетний Алфредс Кронис, и по сей день красуется в Риге, прикрепленной к стене дома на улице Калькю, 20.

Особое внимание рассказчиков преданий и побывальщин о Петре привлёк мотив спасения царя в ящике с навозом. В одном из вариантов даже называется фамилия кучера телеги — Шварц. В мадонском варианте рассказанное предание ус-

ложняется появлением нового действующего лица — сороки-ведьмы, в которую превратилась подлинная мифологическая владелица Риги. Сорока всё время стрекотала вокруг навозного ящика, под которым скрывался царь. Поэтому Пётр её проклял — на три версты от Риги сороки впредь не смеют приближаться. На этот мотив особое внимание обратил в своей записи Я.Лицис. Как лицо духовное он этот эпизод поясняет с позиций православного священника: Пётр мог проклясть сороку, и это проклятие возымело силу, как высказанное помазанником Божиим.

В дундагском варианте предания, опубликованном в сборнике П.Шмита о ведьме-сороке сообщается, что она — шведская принцесса (своеобразный отзвук русских сказаний о Петре и шведской принцессе). И злая сорока и принцесса-оборотень постоянно упоминаются в многочисленных преданиях о единоборстве Петра и Рижской ведьмы — всемогущей колдуньи, жестокой властительницы Риги, от которой русский царь избавляет город.

Собиратель, Я.Клапарс, в 1928 году записал предание о том, как Пётр Великий самолично руководил сражением неподалеку от Яунпиебалгского кладбища. В этой легенде сохранились даже точные сведения, где располагались обе армии: шведские войска стояли там, *«где теперь находится усадьба Пуки, русские — напротив»*. Бой происходил рано утром. Поначалу казалось, что одолевают шведы, потом перевес получили русские. *«Ужасно выглядело поле после сражения. Небольшой ручеёк в лесу окрасился от крови в красный цвет, поэтому его и теперь называют Красный ручей (Sarkanpalte). К югу от железнодорожного полотна — холмик. Под ним лежит убитый шведский генерал с золотой саблей и серебряным щитом. Шведы шапками нанесли песок и засыпали его. Чтобы вода не залила покойника, к земле прибавляли углей»*.

Камень Петра в Бауске (*Kalēju iela 2*)

В разных латвийских регионах можно отыскать места, связанные с Петром. В 1939 году было записано предание о большом камне в Бауске, где *«во время Северной войны царь Пётр Великий оставался со своим войском и обедал на этом камне. Под камнем до сих пор хранится золотая сабля царя»*. Есть много иных вариантов этой легенды. Царь у этого камня то ли завтракал, то ли обедал, то ли ужинал. Иногда он был один, иногда с польским королём Августом, а порой с обычным солдатом. После трапезы Пётр поднял камень (только он смог это сделать, хотя и Август славился своей физической силой), положил под камень золотые ложку и вилку (или саблю), которые и по сей день там лежат. А камень тот по началу чёрт нёс, но запел петух, и камень пришлось бросить.

Цесисские старожилы с большим уважением показывали в 1953 г. собирателям фольклора липу, которую посадил Пётр, проезжая через город в Ригу. Жители Сигудды помнят об *«императорском кресле»* — возвышенности, с которой открывается прекрасный вид на окрестности. В 1710 г. здесь сидел Пётр и любовался рекой Гауей.

Петровскими сувенирами могут гордиться и другие латвийские города и сёла. Это и дуб в Кримуде около Кирбелей, под которым Пётр *«закопал целый бочонок золотых монет»*,

Памятный камень в рижском саду Виестура на том месте, где некогда рос Петровский вяз: *«Император ПЁТР ВЕЛИКИЙ, Основатель Славы и Благоденствия России, посадил Собственными Руками сие дерево в 1721-м году»*

и две сосны на обочине шоссе в Лизумской волости, неподалёку от хутора Гриминаужи, где царь встретился со шведской делегацией. К таким памятным вещам относится и ковш, по сей день сохранившийся в Кениньциеме, из которого Пётр пил, когда проезжал из Кулдиги в Айзпуте, а также вяз в Риге, в саду Виестура (Царском саду, саду Праздников песни), который был будто бы *«посажен корнем вверх»*, и могилы соратников царя, которых Пётр велел похоронить у Гауенского замка после того, как этот замок был взят. На могилах тех и по сей день *«сушатся»* деньги (в виде огоньков) и расхаживает важный генерал, хранитель этих могил и золота, сокровищ того в погребах замка.

С именем Петра связана и Валдемарпилсская церковь, построенная на месте высоченной сосны, влезши на которую заблудившийся царь *«увидел огонёк соседней мызы и таким образом спасся»*.

В латышском фольклоре Пётр как преобразователь природы выступает и в другом плане. У подножия горы Караткалнс (очевидно, имеется в виду *Karatāvu kalns*) в Цесвайне видна большая яма. Эта яма, по словам жителей *«выгорела от сигары, брошенной Петром Великим, когда тот проходил через Цесвайне»*.

А Лубанское озеро произошло от того, что царь велел запрудить реку Айвиексте, чтобы его войско могло продвинуться вперёд к Лубани.

Петру иногда приписывают даже авторство некоторых латвийских гидронимов. Так появилось название одного латгальского озера. Оно было столь велико, что у царя спросили: *«Это озеро или море?»* — *«Это разное»*, — будто бы ответил Пётр и с тех пор озеро стало называться Разно.

Некоторые местности, связанные с именем Петра, преодолевают свой краеведческий характер и обрастают идеологическим содержанием, — они связаны с чудесным избавлением царя от различных опасностей.

Много преданий посвящено спасению царя от преследовавших его шведов. Одно из них записано в 1966 году от Индрикиса Круклиса в Валмиерском районе. Говорится там, что однажды враги настигали Петра на старой дороге из Руйены в Валмиеру (она и теперь сохранилась). *«Шведы гнались за ним. Пётр Великий нигде не мог укрыться. Забежал в одну усадьбу, и в печь! Велел хозяйке делать вид, что собирает она её растапливать»*. Хозяйка так и сделала, чем спасла царя. Потом

Пётр щедро награждал женщину, и никаких налогов она больше не платила!

В другом предании, записанном от 92-летней Лизы Мейстере из Цессисского района, Пётр, спасаясь, забежал в Алуксненскую церковь. В доме пастора Глюка царя спрятала его воспитанница. Благодарный Пётр спросил потом, сколько заплатить за спасение. *«Ты сам должен знать, что делать»*, — ответил пастор. И Пётр женился на девушке, которая стала потом императрицей Екатериной. В латышских преданиях можно отыскать и другую версию женитьбы Петра: *«Русский император ехал по Видземе. На обочине дороги увидел пастушку. Императору пастушка понравилась, и он её увёз в Петербург. Эта пастушка стала императрицей»*.

Объясняя необычные привилегии жителей Кенинциемса в Курземе (на самом деле эти привилегии восходят ещё к временам создания Ливонского рыцарского государства и соблюдались до 1940 года), рассказчики говорили о награде за очередное спасение Петра. Царь, узнав от кенинциемского старика о готовящемся покушении, поменялся с ним одеждой. В результате старичок погиб, а кенинциемцы получили свои особые привилегии (сходное предание зафиксировано и в российском фольклоре).

Конечно, не во всех преданиях о Петре Великом его связывают только с Северной войной. Есть, например, легенда, записанная в 1934 году от Я.Лиепиня. Однажды царь заблудился в лесу. Его вывел из чащобы какой-то беглый крестьянин, ставший браконьером. Пётр награждал того землёй, подарив столько, сколько он сможет обскакать на царском коне за сутки. В 1930 году собирателю фольклора К.Арайсу рассказали о некоем латышском старичке, который предупредил Петра о бомбе, заложенной под мостом, по которому должен был проехать царь, направляясь из Кулдиги. За это родичи старика получили написанную на бычьей коже грамоту, в которой были прописаны все их привилегии. Как мы уже говорили, многочисленные варианты этих преданий встречаются и без имени Петра.

Упоминается просто русский царь. И ведь что любопытно, несмотря на все ужасы Северной войны, в народном сознании имя русского царя осталось в неизменно положительном восприятии. Латышские сказители относились к Петру с явной симпатией, причём, в самых разных районах Латвии. В старинных легендах немало рассказывается о жестокостях военных действий, о тех бедах и несчастьях, которые в те годы претерпевали латыши. Но ни в одном из таких преданий каких-либо обвинений в адрес Петра мы не встречаем. Ни в одном! Как же объяснить такое устойчивое положительное мнение латышей о Петре Великом? Ведь в 20–30-е годы его личность получила в учёных кругах совсем иную интерпретацию. И вот ещё одно удивительное обстоятельство! Если мы сопоставим оценку шведов и русских в их постоянных противопоставлениях, то симпатии народных латышских рассказчиков однозначно склоняются в сторону именно русских. Заметим, что опять же в отличие от выводов и обобщений «прогрессивных» латышских историков 20–30-х и 80–90-х годов XX века.

Как же интересно получается! «Глупый простой народ» 200 лет сохраняет симпатию к русским вообще и к царю Петру в частности, с тем, чтобы в XX веке разумные национально мыслящие историки и политики прилагали титанические усилия, чтобы убедить его (т.е. народ) в том, что он заблуждается... В каком же абсурдном мире мы живём! Может быть прав был философ, утверждавший, что *«образование ума не даёт, но лишь дурь закрепляет»*.

В заключение мы приведём одну красивую легенду, о пребывании Петра в Риге. Эту историю ещё в 20-е гг. XX века поведал известный рижский краевед Б.Шалфеев и связана она со знаменитым в городе Домом Данненштерна. Вот этот рассказ, опубликованный в латвийской газете «Сегодня», 1924, № 112:

«Близкое знакомство царя с Данненштерном объясняется интересом Петра к морскому делу, мореходной торговле, кораблестроению. В этой области начальник и обер-инспектор гавани

и торговец лесом Данненштерн мог сообщить императору много интересного.

Царь несколько раз бывал у Данненштерна.

В 1714 году в стенах старого дома разыгралась красивая романтическая история, участником которой был Пётр. Историк Риги Меттих упоминает об этом случае под датой 1714 года, но детали события сохранились только в преданиях. Не знаю, записана ли даже где-нибудь эта история, но из рижан многие её знают. Пишущий эти строки подслушал рассказ в тихий утренний час в полупустом зале верхнего этажа Домского музея.

Стоя перед картиной, изображающей дом Данненштерна, эту историю рассказывала старушка-немка своей белокурой спутнице с удивленными большими, серыми глазами, по-видимому, внучке.

Грешный человек — я тут же почти буквально записал это предание и, не позволяя себе изменить безыскусственной формы рассказа, передаю его:

„Желая счастья своей дочери, Даннеништерн решил выдать её замуж за своего друга, богатого купца. Но неопытная девушка, забыв, что она немка, забыв и свою девичью скромность и долг покорности родителям, полюбила молодого русского офицера.

Была она молода, лет 17. Молодые люди изредка виделись, но был уже назначен день сговора с предназначенным ей женихом.

В это время в Ригу приехал русский царь Пётр I. Тронутый горем офицера, он решил помочь молодой паре; он лично пришёл пешком к Даннеништерну в качестве свата.

Начальник гавани не посмел отказать императору и на следующий же день в этом старом доме состоялась вечеринка и обручение дочери Даннеништерна с русским офицером.

Царь скоро уехал, а вслед за ним, после свадьбы, уехала в Россию молодая пара и после этого никто из родных их не видел.

Дом Данненштерна, худ. А.Бойтман, 1891 г. Та самая картина, стоя у которой Борис Шалфеев подслушал свою историю.

Прошло лет 150. В доме жили уже чужие люди. Вдруг однажды ранним утром убиравшая комнаты служанка увидела в большой комнате дома Даннеништернов молодого человека, который стоял на коленях и молился.

Испуганная, она созвала домашних, и им незнакомый молодой человек рассказал следующую историю:

Дочь Даннеништерна, умирая в далёкой России, завещала своему сыну, чтобы он при первой возможности посетил бы Ригу и в родном её доме помолился за души родителей, которым она причинила огорчения, а также за доброго царя, который помог ей соединиться с любимым человеком. С услышавшим завещание сыном случилось несчастье. Кажется, он был сослан в Сибирь. Умирая, он передал завещание матери своему сыну, который также не имел возможности выполнить предсмертной просьбы бабушки.

Только правнуку дочери Даннеништерна удалось наконец попасть в Ригу и он, исполняя передававшееся из поколения в поколение завещание, явился в старый дом... “ Неподалёку от лесного склада Даннеништерна Пётр I позже велел разбить сад, известный под именем Царского сада. Вероятно, не без влияния Даннеништерна издан был в том же году ряд указов, касающихся благоустройства Рижского порта».